

дѣлѣ „смѣсь“ если только онѣ не будутъ заключать въ себѣ чего-либо интереснаго для науки и литературы.

Цѣль настоящаго заявленія заключается въ томъ, чтобы обратить вниманіе людей науки и библиографовъ на этотъ трудъ и испросить у ихъ опытности, знаній и ума, совѣтовъ, какъ бы лучше, толковѣе и обстоятельнѣе привести къ концу свой многолѣтній трудъ. Чему отдать преимущество: строго-научной системѣ, или общему азбучному указателю? На что болѣе обращать вниманіе при выпискѣ статей? Не сдѣлать-ли какого-либо другаго исключенія въ пользу стихотвореній, а также и мелкихъ статей? какія ввести въ заглавія сокращенія, съ цѣлью уменьшить издержки при изданіи труда? и т. п.

Въ настоящее время всѣхъ вопросовъ не переберешь, а между тѣмъ разрѣшеніе ихъ теперь весьма важно, ибо, накопившись мало по малу и не будучи въ свое время разрѣшены, они въ результатѣ дадутъ такую большую работу, которой хватитъ на долгое время. Кроме того, заявляя о своемъ новомъ библиографическомъ трудѣ, я имѣлъ въ виду заранѣе найти на него издателя. Время на составленіе указателя въ такомъ случаѣ значительно сократилось бы.

Вслѣдствіе этого, я обращаюсь ко всѣмъ, кого только можетъ интересовать настоящее мое заявленіе, съ просьбою неоставить меня своими совѣтами и замѣчаніями, которыя я приму съ чувствомъ живѣйшей признательности.

Было бы весьма полезно для дѣла, еслибъ настоящее мое заявленіе было перепечатано другими періодическими изданіями.

В. И. Мещковъ.

## ПѢВЕЦЪ БЫЛИНЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Съѣздивши нынѣшнимъ лѣтомъ въ „подсіверную сторону“, въ Олонецкую и Вологодскую губерніи, чтобы послушать нашихъ народныхъ рапсодовъ, я тамъ только, совершенно случайно, узналъ, что этихъ рапсодовъ можно находить и гораздо ближе, почти подъ самымъ Петербургомъ. Въ отдаленномъ Вельскѣ одинъ изъ служащихъ тамъ чиновниковъ сказалъ мнѣ, что онъ слышалъ былины въ Гдовскомъ уѣздѣ здѣшней губерніи. И дѣйствительно, поиски, въ эту сторону направленные, весьма скоро навели на слѣдъ народнаго рапсода если не въ Гдовскомъ, то въ еще болѣе близкомъ къ столицѣ Новолодожскомъ уѣздѣ. Это оказался старикъ-крестьянинъ (изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ) Усанской волости, деревни Коонецъ, Иванъ Яковлевичъ Гусевъ, который, по приглашенію

своего сына, живущаго здѣсь въ разнощикахъ, весьма охотно приѣхалъ ко мнѣ въ гости. Деревня, въ которой у него свой домъ, находится въ 30 верстахъ отъ Ладоги, въ 15 верстахъ отъ Ладожскаго ванаала. Я увидѣлъ передъ собою старика на видъ еще довольно бодраго, хотя нѣсколько спорбленнаго, небольшого роста, худого, съ густыми сѣдыми волосами и бородой, съ орлинымъ носомъ и маленькими голубыми глазами. Онъ сказалъ мнѣ, что ему „девяносто лѣтъ безъ двухъ годовъ.“ Отецъ его умеръ, когда ему было только 12 лѣтъ, но онъ помнитъ, что отецъ пѣвалъ старины и онъ отъ него научился имъ. Я подумалъ, не переселенецъ ли онъ изъ какой-нибудь болѣе поэтической мѣстности, чѣмъ Петербургская губернія; но нѣтъ, старикъ увѣрялъ, что и отецъ и дѣдъ жили въ той же деревнѣ, гдѣ онъ. Впрочемъ, странствующая жизнь помогла Ивану Яковлеву обогатить свою память былинами, къ пѣнью которыхъ онъ, судя по его словамъ, наследовалъ склонность отъ родителя. Выучившись воновальному дѣлу, онъ, 70 лѣтъ тому назадъ, пошелъ въ Сибирь, гдѣ обиле лошадей у крестьянъ общало ему хорошия заработки. Онъ помнитъ, что въ то время четверикъ овса стоялъ въ Сибири семь коп. ассигнаціями. Вернувшись изъ Сибири и побывавъ дома, онъ отправился въ Вологду, побывалъ въ Соловкахъ, ходилъ потомъ на Волгу и въ Оренбургъ, былъ и въ другой разъ въ Сибири. Потомъ промышлялъ болѣе въ окрестностяхъ Петербурга и наконецъ, въ послѣдніе годы сталъ жить постоянно дома.

Къ сожалѣнію, слишкомъ преклонная старость Ивана Яковлева ослабила его память. Голосъ отказывается служить ему, такъ что онъ уже нѣсколько лѣтъ пересталъ пѣть былинны; онъ перезабылъ большую часть того, что зналъ, съ трудомъ могъ пропѣть нѣкоторые отрывки, безпрестанно сбивался съ пѣсеннаго склада въ простую передачу содержанія былинны. По его словамъ, онъ въ прежніе годы пѣвалъ много про Илью Муромца, Добрыню Никитича, Чурилу Пленковича, про какого-то Мирошку-богатыря, который побѣдилъ Бабу-Ягу, про Анику война и т. д. Теперь удалось, и то съ трудомъ, записать съ его голоса четыре отрывка, здѣсь помѣщаемые.

Было бы желательно, чтобы люди, которыхъ интересуеть русская народная поэзія и старина, обратили вниманіе на этотъ случай. Если бы, лѣтъ пятнадцать или двадцать тому назадъ, кто-нибудь догадался поискать остатковъ русской эпической поэзіи въ Петербургской губерніи, то знакомство съ Иваномъ Яковлевичемъ Гусевымъ было бы находкою. Отрывки, какіе и теперь спѣлъ 88-лѣтній старецъ, показываютъ, что былинны, которыя онъ зналъ, были хороши, а одинъ изъ этихъ отрывковъ, гдѣ выводится какой-то богатырь Ярикъ, по-

бывающій Алешу Поповича, свидѣтельствуеть, что отъ него можно бы было услышать и нѣчто совершенно новое.

14 сентября 1871 г.

А. Гильфердингъ.

## I.

### Алеша Поповичъ и Ярюкъ богатырь.

(отрывокъ).

Говорилъ Алѣша Поповичевъ:  
 «Молодой Ярюкъ сынъ Ивановичъ,  
 «Отсѣку тебѣ да буйну голову,  
 «Твою молоду жену да себѣ замужъ возьму».  
 Говорилъ молодой Ярюкъ да сынъ Ивановичъ:  
 «Не хвались, Алѣша Поповичевъ,  
 «Отъ двора ли идучи,  
 «Похвались, Алѣша Поповичевъ,  
 «Ко двору прѣвзжалучи».  
 Развѣзжались добры молодцы на три коприща,  
 Ударились саблямъ вострымъ;  
 Молодой Ярюкъ ударилъ Алѣшу Поповича,  
 Какъ убилъ Алѣшу Поповича.  
 То-то Алѣша на моей женѣ женать бывалъ!

## II.

### Илья Муромецъ и царице Кудрянище.

(отрывокъ).

Какъ ѣхалъ-то дородень добрый молодець,  
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,  
 Копапи окопы глубокии,  
 А гдѣ поймать дородня добра молодца.  
 Первыи окопы десять сажень печатныхъ,  
 А другии окопы двадцать сажень печатныхъ,  
 Третьи окопы тридцать сажень печатныхъ,  
 Четверти окопы сорокъ сажень печатныхъ.  
 Съ десяти сажень печатныхъ повыскачилъ,  
 Съ двадцати сажень повыскачилъ,  
 Съ тридцати сажень онъ повыскачилъ,  
 Съ сорока сажень не могъ выскачить,  
 И хотя зарыть дородня добра молодца  
 Въ томъ окопѣ глубокомъ.  
 Говоритъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:  
 «Ай же вы поганни татаревя!  
 «Не честь хвала ваша великая,  
 «Что зарыть дородня добра молодца,  
 «А то честь хвала великая,  
 «Свяжите мнѣ бѣлы рученки,  
 «Скуйте мнѣ скоры ноженки

«А ведите къ царю Кудрянищу».

Привели его къ поганому татарю.

Какъ зачалъ татаринъ его спрашивать:

— Станешь ли мнѣ служить вѣрой правдою?

«Не сладилось у мня сабли вострыя,  
 «Не сладилось у мня палочки боёвыя,  
 «Послужилъ бы тебѣ вѣрой правдою,  
 «Сейчасъ отсѣкъ бы буйну голову!»

Тутъ татарю рассѣрдился

На дородна добра молодца:

— Ай вы поганни татаревя!  
 — Ведите вы дородна добра молодца  
 — На то на болото куликovo,  
 — Ко той ко плашеѣ ко липовой  
 — Отсѣкните ему да буйну голову!

Повели дородна добра молодца  
 Къ тому болотцу куликову,  
 Ко той ко плашеѣ ко липовой  
 Отсѣчь ему буйну голову.

Выѣзжаютъ поганни татаревя,  
 Выѣзжаютъ да на чисто поле.

Говорилъ дородній добрый молодець:

«Ай же вы поганни татаревя,  
 «У котораго есть отецъ да мать?  
 «У котораго есть да молода жена?  
 «У котораго есть да малы дѣтушки?»

Отступились отъ дородна добра молодца.

Не сладилось палицы боёвыя,  
 Не сладилось сабли острныя,  
 Ухватилъ одного татарина за ноги.

«Исполать ти поганое татарю!»  
 «Вдоль погибаешьси, а самъ не ломисьси!»

Перевилъ поганниихъ татаревей всихъ дочиста,  
 Не оставилъ на смена.

Только одному отсѣкъ да буйну голову,  
 Потѣрнулъ эту голову на рога тыню  
 И несетъ къ идолищу поганому.

Увидалъ идолище поганое,  
 Увидалъ въ косивчато окошечко,  
 Такъ испугался поганое татарю:

— Ай же ты дороденъ добрый молодець,  
 — Оставь ты меня во живности,  
 — Вотъ ти государство здись.

«Не надо твоего государства мнѣ,  
 «Выходи-ко ты на улицу,  
 «Я теперь съ тобой да попытаюси».

Не выходи поганое татарю.  
 Ухватилъ дороденъ добрый молодець  
 Въ томъ въ косивчатомъ окошечкѣ,

Брагъ его да за желтїи кудри,  
 Вытащилъ его да во чисто поле,  
 Роскъеъ его да на мелкїи части,  
 Роскидалъ его онъ по чисту полю  
 Воронамъ да на съѣденище,  
 Дорожнымъ на поршни \*).

III.

Василій Богуслаевичъ.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ  
 Завелъ пиръ про князей про бояръ,  
 Про сильныхъ могучихъ богатырей,  
 Про всю поляницу удаюу.  
 Тутъ на пиру да напивалисе,  
 Тутъ на пиру да наѣдалисе,  
 Тутъ на пиру да порасквастались.  
 Еще кто-то хвалится своей силой могучею,  
 Еще кто-то хвалится да саблей вострою,  
 Еще кто-то хвалится палицей боѣвою,  
 Еще кто-то хвалится своей силой могучею,  
 Еще кто-то хвалится да золотой казною,  
 Еще кто-то хвалится да молодой женой.  
 Какъ возгворилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:  
 «Еще кто-то изъ васъ идетъ на мою силу на войскую?»  
 Какъ тутъ князя бояре,  
 Сильнии могучии богатыри  
 Еще большей за мѣншово хоронится,  
 А меньшей за бѣлшово хоронится,  
 А средней-то не знае отвиту дать.  
 Какъ зъ-за тѣхъ столовъ да зъ-за дубовыхъ  
 Становилса тутъ дороденъ добрый молодецъ  
 Василій Богуслаевичъ,  
 Ему отъ роду семнадцать лѣтъ.  
 — Ужъ какъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,  
 — Ужъ какъ я иду на всю силу на войскую,  
 — Только прикажите мнѣ со пиру со кумпаньци  
 — Себѣ выбрать двухъ товарищей.  
 Говорилъ Василій Богуслаевичъ:  
 — Еще кто со пиру да со кумпаньци  
 — А ко мни во товарищи?  
 Какъ выскакивалъ Поташенька сутуль-горбать,  
 На одну ноженку припадывалъ.  
 — Еще кто второй да во товарищи?  
 Еще выскакивалъ Васька Бѣлозерянинъ:  
 «Какъ Василью Богуслаевичу  
 «Я иду да во товарищи».

\*) Т.-е. что дорожные могли сдѣлать себѣ обувь изъ его кожи.

- Ступайте же ко мнѣ въ полаты бѣлокаменны,
- Ступайте же къ моей матушки
- Къ Мамельфы Тимофеевны,
- Садитесь за столы дубовыи,
- За скатерти за браныи,
- За ѣствы за сахарныи,
- А за питья за медвяныи.

Тутъ Василій Богуслаевичъ  
 Съ грознымъ царёмъ Иваномъ Васильевичемъ  
 Сдѣлали они заговоръ \*) великій,  
 Ужъ какъ записи они записывали,  
 Ужъ какъ заклички закличивали:  
 Ежели побѣтъ да силу войскую,  
 Чтобы владѣть да всимъ Новѣмъ-градомъ;  
 Ежели побѣтъ да сила войская,  
 Такъ нѣтъ ни смысу ни отыску.  
 Какъ пошелъ Василій Богуслаевичъ къ своей матушкѣ,  
 Садился за столы за дубовыи,  
 За скатерти за браныи,  
 А за ѣствы за сахарныи,  
 А за питья за медвяныи,  
 Сидитъ буйну голову повѣсивши,  
 Очи ясны въ зень потупивши.

Говорить его матушка:

- «Что сидишь, мило мое дитятко,
- «Что сидишь буйну голову повѣсивши,
- «Очи ясны въ зень потупивши?
- «Аль тебя обезчестилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
- «Чарой зелена вина?»
- Не обезчестилъ меня грозный царь Иванъ Васильевичъ
- Чарой зелена вина,
- А только я похвалился ити на силу войскую.
- Ежели побью силу войскую,
- Дакъ чтобъ мнѣ владѣть да всимъ Новѣмъ-градомъ;
- Если побѣтъ сила войская,
- Такъ нѣтъ ни смысу ни отыску.

Его матушка рѣдная  
 Напоила напиткиамъ пьянымъ,  
 Двѣнадцати дверямъ затворила,  
 Двѣнадцати замкамъ замнула все личиннымъ.  
 Какъ спитъ ѣнъ не прѣснется,  
 Народу къ нему на дворъ валомъ-вали'  
 А палокъ къ нему на дворъ возамъ везу'.  
 Дакъ выскакивалъ Потапешька сутулъ-горбатъ,  
 На одну ноженку припадывалъ,  
 То сразу семьсотъ убилъ.  
 Дакъ народу не убавляется,

\*) Т.-е. условіе.

А народу прибавляется,  
 А палокъ возы возамъ везу'.  
 Какъ выскакивалъ Васыня Бѣлосѣрянинъ,  
 А то сразу восемьсотъ убилъ.  
 А народу не убавляется,  
 А народу прибавляется,  
 А палокъ возы возамъ везу'.  
 Выходила дивка служаночка,  
 Брала коромыселѣкъ железенькой,  
 Ведѣрочка дубовыя,  
 Видить что его товарищамъ  
 Головушки да переломаны,  
 А платочикамъ да перевязаны.  
 Какъ брала коромыселѣкъ,  
 Стала коромыселькомъ помахивать.  
 Буди махнеть — туды улица,  
 А розмахнеть — переулочекъ.  
 А народу не убавляется,  
 А народу прибавляется,  
 А палокъ возы возамъ везу'.  
 Какъ тутъ дивка уподѣхалась,  
 Бросилась да на широкій дворъ,  
 Закричала громкимъ голосомъ:  
 «Что же ты, Василій Богуслаевичъ,  
 «Что ты спишь не прѣснешься,  
 «А твоимъ товарищамъ  
 «Головушки да переломаны,  
 «Платочикамъ да перевязаны!»  
 Какъ услышалъ Василій Богуслаевичъ  
 Голосъ да богатырскій,  
 Безъ людей двери отворялисе,  
 Безъ ключей замки да отмыкалисе.  
 Какъ выскакивалъ Василій Богуслаевичъ,  
 Какъ выскакивалъ да на широкой дворъ,—  
 Не сладилось палочки боёвыя,  
 Не сладилось да сабли острыя,  
 Ухватилъ да ось телѣжную,  
 Телѣжную да железную.  
 Да куды размахнеть, дежить сила войскаа.  
 Народу то убавляется,  
 Не оставяе' народу на смена.  
 Ево дядюшка родныя  
 Жилъ въ наместырїи во Юрьевѣ,  
 И пришло ево да уговаривать:  
 «Ой же ты племянничекъ,  
 «Не оставяешь себѣ народу на смена.  
 «Я тебя досюль на боръбы побаривалъ,  
 «Я тебя на кулачки поколачивалъ.  
 — Это дѣло было, дядюшка, да за робачества,

— Это тебѣ спускается, что ты дядюшка родным.  
Да ужь какъ сталъ Василій Богуслаевичъ  
Владѣть да всимъ Новымъ-градомъ.

## IV.

## Взятіе Азова.

Какъ у насъ-то было, братцы, на святой Руси,  
Во той-ли во полаты государевой  
Почестенъ пиръ идѣть на вечери,  
Бесѣдушка идѣть на весели.  
Туть на пиру да напивалисе,  
Туть на пиру да наѣдалисе,  
Туть на пиру да поросхвастались.  
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,  
Еще кто-то хвалится да саблей острою,  
Еще кто-то хвалится да палицей боѣвою,  
Еще кто-то хвалится да золотой казною,  
Еще кто-то хвалится да молодой женой,  
Еще кто-то хвалится да платьемъ цвѣтнымъ.  
Какъ згворилъ туть надѣжа благовѣрный царь  
А царь Петръ и Алексѣевичъ:  
«Ой же вы князья бѣдре,  
«Сильнѣи могучи богатыри!  
«Еще кто-то изъ васъ съѣздитъ ко славному Азову,  
«Ко славному Азову крипку городу?  
«Еще я того буду много жаловать».  
Ужъ какъ большей за меньшова хоронится,  
А меньшей за большова хоронится,  
А средней не знае' отвиту дать.  
Какъ зъ-за тѣхъ столовъ да сыродубныхъ  
Становится собака воръ донской казакъ:  
— Ужъ какъ съѣзжу съ сплушкой подъ тотъ Азовъ,  
— Подъ тотъ Азовъ ли подъ славной городъ:  
— Сострой мнѣ телѣжекъ двоекольныхъ,  
— Телѣжекъ двоекольныхъ сорокъ тысячей,  
— И обивай телѣжки суконцемъ багрецовымъ,  
— Сажай въ каждую телѣжку живой товаръ,  
— По семи человекъ, по восьмому провожатому,  
— По девятому да сторожатому,  
— По десятому да по извожнику.  
Отправляется туть собака воръ донской казакъ  
Ко славному Азову крипку городу,  
А быдто ѣдетъ купчинушка заморская  
Торговать онъ атласомъ и бархатомъ.  
Стрѣчаютъ гости азовскіе,  
А всѣ мужики да деревенскіе,  
Что ѣдетъ къ намъ съ товаромъ атласомъ и бархатомъ.



Говорить собака воръ донской казакъ:

— Ай же вы гости азовскіе,

— А всё мужики да деревенскіе,

— Отведите-ко мнѣ мѣстечко порожнее.

Отводили мѣстечко порожнее,

Посередѣ Азова крѣпка города

Торговать атласомъ и бархатомъ.

Какъ пришла тутъ тѣмна ночь,

Какъ сталъ собака воръ донской казакъ.

Сталъ по обозу похаживать,

Сталъ ребятушекъ побуживать:

— Вамъ полно спать, порá вставать

— Берите-тко ору́жейка булатнѣи,

— Палите по Азову крѣпке городу.

Какъ стали ребятушки поступывать,

Какъ стали ребятушки погримывать,

Не оставляютъ народу на сімена.

Ужъ за это наде́жа благовѣрный царь

А много казаченка да жаловалъ.

(Записано въ Петербургѣ 12 и 13 сентября 1871 г.).

Сообщ. А. Э. Гильфердингъ.

1-го сего октября, 1871 года, исполнился столѣтній юбилей дня рожденія графа Михаила Андреевича Милорадовича, какъ о томъ было сообщено въ „Русской Старинѣ“, т. IV, стр. 794 и т. V, стр. 96.

Полковникъ Григорій Александровичъ Милорадовичъ, старшій въ фамиліи Милорадовичъ, напоминая объ этомъ всѣмъ представителямъ военнаго сословія, которые дорожатъ преданіями славной нашей арміи, долгомъ считаетъ сообщить, что предназначавшаяся въ этотъ день соборная панхида, въ церкви Св. Духа, въ Александро-Невской Лаврѣ, гдѣ покоятся останки героя, — будетъ отслужена, 14 декабря 1871 года, въ день смерти графа Милорадовича, о чемъ, въ свое время, будутъ разосланы приглашенія, а равно напечатаны объявленія въ газетахъ.